

18+
Денис
Гербер

Литература сохранила много фантастических рассказов
о Раймонде Луллии, которые могли бы составить
крайне необычайный роман.

Е.П. Блаватская

Бешенный ангел

Два тела Раймонда Луллия

Денис Гербер

**Бешеный ангел. Два
тела Раймонда Луллия**

«Издательские решения»

Гербер Д.

Бешеный ангел. Два тела Раймонда Луллия / Д. Гербер —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856908-1

Роман «Бешеный ангел» посвящён жизни Раймонда Луллия — учёного и миссионера, одного из самых загадочных и оригинальных мыслителей Средневековья. Легенды приписывают Раймонду Луллию создание философского камня, изобретение «логической машины» и удивительную способность появляться одновременно в разных местах.

ISBN 978-5-44-856908-1

© Гербер Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Книга 1-я. Doctor Illuminatus	10
1	10
2	16
3	25
4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Бешеный ангел Два тела Раймонда Луллия

Денис Гербер

*Литература сохранила много фантастических рассказов
о Раймунде Луллии, которые могли бы составить крайне необычайный
роман.*

Елена Петровна Блаватская.

Дизайнер обложки Александр Никитин

Корректор Вера Вересиянова

Редактор Леонид Майз

© Денис Гербер, 2017

© Александр Никитин, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-6908-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

В пригороде Пальма-де-Мальорки существовало такое место, где призраки христианских и мусульманских воинов продолжали сражаться друг с другом уже после того, как Хайме Завоеватель выиграл здесь решающую битву. Почти двадцать лет тени мёртвых бойцов выходили с оружием в руках и продолжали сражение. Каждую ночь они торжествовали и ужасались, страдали, ликовали и умирали вновь, чтобы после следующего захода солнца опять вступить в бой. Никто не хотел уступать даже будучи мёртвым. Однако в мире живых христианская вера постепенно вытесняла последние следы мавританского владычества на этой земле. Арабскую мечеть давно разрушили, а на её развалинах возводили величественный кафедральный собор – будущую усыпальницу мальорканских королей. Ещё один победитель, поставивший ногу на грудь павшему.

Молодой человек, сидевший в стороне под деревом, конечно, не видел происходивших здесь баталий, но уши его время от времени улавливали слабые отголоски сражения. Впрочем, внимание его было сосредоточено на другом – в ночной тишине он пытался различить лёгкую поступь женских ног. Девушка не приходила. Вот уже луна, что сквозь ветви деревьев наблюдала с пепельного неба, скривилась в презрительной ухмылке.

«Надменное светило, – подумал молодой человек, – твоё сияние не только не дарит тепла, так ещё и вселяет отчаянье!»

Хруст ветки. Он обернулся и увидел её – прекрасную и невесомую. Окружённая солёным запахом моря, девушка напоминала Афродиту, которая родилась из семени и крови оскопленного Урана, но стала воплощением самой женской красоты. Будто бы лёгкий ветерок бесшумно доставил её сюда, так же как и греческую богиню.

В лунном сиянии девушка приблизилась.

– Здравствуйте, сеньор, – тихо проговорила она. – Я назначила эту встречу для того, чтобы кое-что объяснить вам. Я тоже испытываю к вам сильные чувства.

Молодой человек опустился на колени, поддавшись неведомой силе, внезапно надавившей на плечи.

– Но почему...

Она прервала его одним неуловимым движением глаз.

– Да, я люблю вас, сеньор. Но мои чувства ничего не меняют. Я по-прежнему не могу быть с вами.

Он почувствовал, как эти слова буквально ранят его. Словно один из призраков сарацинского войска вдруг отклонился от своего потустороннего сражения и решил нанести сокрушительный удар уже живому христианину. Всё тело превратилось в сплошной порез – глубокий и жгучий. Он смотрел на неё снизу вверх и чувствовал приближение чего-то страшного и неотвратимого, как божья кара, – того, после чего можно смело ставить точку.

Девушка молчала, лишь платье едва слышно колыхалось на ветру красным шёлком. Что это за странное бесформенное одеяние? Такого она не надевала никогда.

– Но почему...

Её руки скрылись за спиной, ловко развязали что-то, и одежда, соскользнув с тела, опустилась к ногам. Девушка осталась полностью обнажённой. От движения лёгкой материи у него закружилась голова. Изгибы ткани будто целую вечность струились по телу, чуть задержались на бёдрах, и...

Молодой человек оцепенел от ужаса.

Всё тело богини покрывали отвратительные язвы. Они были настолько огромными, что, казалось, стремятся слиться друг с другом, захватить всё тело и превратиться в новую кожу – в праздничный наряд Сатаны. И крепкую девичью грудь, и живот, и ноги – всё поразила чудо-

вишная болезнь, лишь руки и лицо остались нетронутыми, по милости Бога. Либо же по страшной шутке злых сил.

– Вы добились того, чего желали, сеньор, – тихо сказала она. – Вот она – та красота, что вы воспеваете в своих стихах. Насладитесь ей в первый и последний раз. И, пожалуйста, больше никогда не ищите меня.

С этими словами девушка подняла с земли одежду и скрылась в темноте так же бесшумно, как и появилась. Но прежде, чем исчезнуть, она слегка коснулась рукой его лица. Жест настолько неуволимый, что его легко спутать со слабым дуновением ветра.

– Но почему...

Эти слова уже были обращены к ночи, а может быть, к самой судьбе, которая проверила его на зуб, как золотую монету. В один миг он поднялся до небес и тут же сорвался, вдребезги разбившись о камни. Жизнь кончилась. Монета оказалась фальшивой, и быть ей отныне лишь детской игрушкой.

Молодой человек смотрел в окружающую темноту и не мог поверить, что всё случилось так быстро. Ему, как сидящему на паперти, вручили бесценные сокровища и тут же безжалостно отобрали. Проклятый порез через тело болел всё сильнее. Луна по-прежнему таранилась откуда-то сверху, но презрительную ухмылку на её лице сменила гримаса сочувствия. Не в силах больше выносить её присутствия, он поднялся на ноги и, не разбирая дороги, пошёл прочь от развалин мечети. Некоторое время луна летела следом, но на узких улочках города стала отставать и вскоре скрылась за очередным поворотом.

Придя домой, он велел слугам не беспокоить его и заперся в комнате. Необходимо было всё обдумать и, возможно, найти какой-нибудь выход. Для этого он просто свалился на пол и, уткнувшись лицом в ковёр, стал вспоминать, как познакомился с ней.

В тот день он ехал верхом по городу, приподняв подбородок так, что полуденное солнце щекотало его гладкие щёки. Он был красив и молод. И сказочно богат. Правда, репутация известного развратника и вольнодумца окружала его, но не это ли самое привлекательное для нынешних женщин?

Она шла по улице навстречу. Чем ближе девушка подходила, тем медленнее двигался он, пока совсем не остановился, будучи не в силах оторвать глаз от её смуглой кожи и вьющихся чёрных волос. А когда девушка бросила в его сторону мимолётный взгляд, молодой человек, околдованный оливкового цвета глазами, немедленно повернул коня и решительно двинулся за нею.

– Сеньора, ради бога, скажите: кто вы?

– Это совершенно не важно, – ответила красавица, не сбавляя шаг, – достаточно того, что я знаю, кто вы!

– О, перестаньте! Все эти слухи обо мне далеки от истины, – он чуть наклонился в её сторону и тихо добавил: – я буду следовать за вами, пока не узнаю имя.

– Этого не потребуется, сеньор, ведь я уже пришла.

И девушка скрылась в дверях ближайшего здания. Не раздумывая, он пригнул голову и въехал вслед за ней. Увидев всадника внутри, она немного растерялась.

– Ваша красота поражает, – продолжал молодой человек, – и поражает она прежде всего сердце.

– Нет ничего более обманчивого, нежели красота. Поверьте мне, сеньор.

– Охотно верю! Но я не из тех людей, которые замечают лишь внешнюю оболочку. Вижу, в душе вы такое же чистое и доброе создание, каким и кажетесь. Постойте, что это у вас в руках? Ведь это Библия! Значит, я не ошибся.

– Конечно же, это Библия, сеньор. Ведь мы с вами в церкви, а вы, смею заметить, въехали сюда на коне!

Молодой человек наконец отвёл глаза. Они и вправду находились в храме. Видя его замешательство, девушка слегка засмеялась, но быстро взяла себя в руки, поскольку разгневанный священник уже спешил к ним.

– Разве так можно, сеньор? Даже ваше положение не позволяет вам осквернять храм! Немедленно уйдите!

– Простите, святой отец. Я скроюсь, но только после того, как узнаю имя этой прекрасной особы.

Священник строго посмотрел на красавицу с Библией в руках. Девушка молчала, застенчиво опустив глаза, будто бы происходящее её совершенно не касалось. Называть своё имя она, судя по всему, тоже не собиралась.

– Будьте добры, сеньора, представьтесь этому наглецу, – сдержанно попросил священник.

Молодая прихожанка не ответила, лишь опустила голову и сердито раздула ноздри, как строптивая жеребица. Сложившаяся скандальная ситуация явно затягивалась.

– Это донна Амброзия де Кастелло, – неожиданно сказал священник. – А теперь покиньте храм.

Молодой человек спешил, взял коня под уздцы и вышел наружу.

Его возлюбленная оказалась замужней дамой, что, в общем-то, совсем не охладило его пыл. Им овладела столь безудержная страсть, что все правила приличия отошли на второй план. Часами он стоял под окнами, ожидая появления Амброзии. Во время её утренних прогулок по парку он появлялся в тени деревьев и, как верный пёс, тащился следом, стараясь ступить туда, где земли только что коснулась её нога. Ежедневно он присутствовал в церкви и упоённо молился рядом с ней. Ночами же воздыхатель слагал в её честь стихи – самые прекрасные из тех, что когда-либо выходили из-под его пера. Он превратился в ангела-хранителя, который без устали опекает обожаемое существо. Но девушка, казалось, видела в нём лишь назойливую муху и на все яркие проявления чувств отвечала ледяным молчанием. За два месяца безответных ухаживаний молодой человек до ужаса похудел, и даже его рост – так выглядело со стороны – начал уменьшаться. Он усыхал на глазах; ещё немного – и он превратится в крошечного гомункула, а затем от него и вовсе ничего не останется. Но всё изменилось в этот день, когда она назначила ему встречу, незаметно сунув в руки записку.

И вот этот день – день, которого он дожидался целую вечность, а его окончания и того дольше, – закончился полным крахом. Сейчас он лежал на полу совершенно разбитый, не представляя, как дальше существовать в этом мире – мире, в котором за мимолётное счастье приходится платить сокрушительным падением и вечными муками.

Откуда-то раздался непонятный шум. Молодой человек поднялся на ноги и посмотрел в окно. Внезапно он понял: что-то произошло. Это случилось не в комнате и не за окном. Невидимый рычаг щёлкнул где-то глубоко внутри него, в самом сердце. И всё изменилось.

Как он мог так расстроиться? Ведь она сказала, что любит его! Неужели какая-то болезнь может встать между ними? Даже сама смерть не имела права влезать в это дело и лишать его того, чего он так настойчиво добивался. И это прикосновение... Лёгкое касание изящной руки. Он понял, что впервые она дотронулась до него сама. Конечно, если не считать дюжины обжигающих пощёчин.

Станный звук повторился. На этот раз молодой человек точно расслышал его. Какое-то резкое шуршание раздалось в сумраке комнаты, прямо у него за спиной. На мгновение он замер, схватившись за кинжал, затем отпустил оружие и повернулся, готовый ко всему. Если это она – он просто раздавит её в своих объятиях. Если это её муж – он уничтожит его или сам падёт от его руки. Если же эта сама смерть – он с усмешкой посмотрит ей в глаза и бросит вызов.

В комнате никого не оказалось. Лишь еле слышно потрескивали угли в камине. Похоже, что странный звук исходил именно оттуда. Он подошёл ближе и вдруг заметил какой-то сгу-

сток, принятый им сначала за язык пламени. Светящийся шар висел над углями и совершал непонятные движения. Он переворачивался, извивался и трепетал, как пойманная рыба. Откуда-то изнутри вырывались пузыри, от которых сгусток выворачивался наизнанку.

Молодой человек опустился перед камином на колени, пытаясь получше разглядеть все эти процессы. словно реагируя на его приближение, светящийся шар снова издал шуршащий звук, и из его сердцевины стало появляться нечто. Оно походило на живое существо, которое рождается и развивается прямо на глазах. В извивающихся пузырях начали появляться голова и светящиеся пламенем конечности. Сгусток издал очередной звук и неожиданно превратился в маленького саламандра. Его лапы ступали прямо по углям, огненные глазки пристально смотрели снизу вверх.

– Вижу, что душа твоя изранена, – шипящим голосом обратился саламандр к человеку, – и я могу помочь тебе освободиться от этих страданий. В моём теле заключено то, что вы, люди, зовёте «философским камнем». Но только по-настоящему мудрый сможет извлечь это из меня. Хочешь ли ты получить такую помощь?

Молодой человек смотрел в пылающие глазки и почувствовал, как болезненный порез через всё тело перестал болеть.

– Я могу принять помощь даже от самого Вельзевула, – сказал он саламандру, – но сладость исцеления моей души зависит от исцеления чужого тела.

Огненная голова понимающе кивнула.

– На это может уйти вся твоя жизнь.

– Тогда я готов.

Он приблизился к камину и протянул руки прямо в огонь.

Амброзия Де Кастелло всё-таки любила его.

Книга 1-я. Doctor Illuminatus

1

Короли всегда находят повод для грусти. Даже в самые благоприятные времена. В жизни Эдуарда Второго таких поводов имелось предостаточно, да и времена благополучными назвать можно было разве что с оговоркой.

Одной из причин меланхолии была неудачная военная кампания в Шотландии. Английская армия, способная без особого труда снискать любую воинскую славу, оказалась наголову разбитой противником, в несколько раз уступавшим ей по численности. И вот уже Роберт Брюс осмеливался открыто заявлять о независимости страны и понемногу напирал на границы Англии, учиня грабительские разгромы. Само слово «Шотландия» стало ненавистно слуху Эдуарда, превратившись для него в синоним слова «позор».

Вторым поводом стал голод, который уверенной поступью прогулялся по стране после череды неурожаев, вызванных повышенной влажностью. Крестьяне без устали молились на солнечную погоду, но святые, разгоняющие тучи, на помощь не приходили, а дожди всё продолжали и продолжали лить. Казалось, что всё в королевстве – от деревьев до каменных стен замков – пропиталось губительной влагой, и даже души людей начали понемногу подгнивать.

Последнее в большей степени касалось проклятых баронов. Подданные Эдуарда плели коварные заговоры и в злобе своей заходили далеко. Один из них – Томас Ланкастер, – по слухам, уже лелеял скорейшую расправу над королём и за кубком вина обсуждал с приближёнными варианты казни. Банальное повешение и четвертование ими были сразу отброшены, а на первый план выходили более изощрённые методы убийства, в основном связанные с нижней частью туловища монарха.

Другой подданный, а именно граф Уорик, был более сдержан в проявлении ненависти, зато изобретательности ему было явно не занимать. Он запускать в народ нелепые вымыслы, в которых Эдуард выставлялся то переодетой женщиной с приклеенной бородой, то самим «помазанником Сатаны», присланным для того, чтобы окончательно разрушить моральные устои добрых христиан, посеять разврат и хаос. Народ охотно подхватывал эти истории, и небывшие обрастали новыми, ещё более нелепыми подробностями. Апогеем насмешек стала картина, появившаяся на стене одной харчевни в Бирмингеме. На полотне изображался сам Эдуард с фамильным гербом Плантагенетов в руках. Сзади к королю вплотную прижался фаворит Гавестон, поднимающий гасконское знамя. А венчал эту немую сцену сам Ричард Львиное Сердце, который парил сверху, будто архангел, и угрожающе примерялся обнажённым мечом – видимо, намереваясь отсечь две грешные головы одним ударом. Поскольку автора этого шедевра найти не удалось, Эдуард решил проучить хозяина харчевни, приказав протаскать того вокруг города вслед за лошадью. Во время этой «поездки» бедняга начал распадаться на куски, и обратно прибыла лишь одна волочащаяся на верёвке нога.

В общем, враги в стране множились как крысы, и признаки войны появлялись всё чаще – они просачивались, как привидения сквозь стены, в самых неожиданных местах. Из-за этого Эдуарду всё меньше времени удавалось проводить в своей сельской резиденции, где он привык коротать дни в простых развлечениях – купании и рыбной ловле, к которым привык с детства.

В довершение ко всему королева пришла в покои не вовремя.

Эдуард свернул записку, которую намеревался прочесть, и спрятал бумагу в руке.

– Я пришла так поздно, ваше величество, чтобы пожаловаться на своё самочувствие, – объяснила Изабелла.

Король поднялся с кресла и напустил на себя величественный вид. Он всегда считал, что выглядит недостаточно мужественно в моменты душевного беспокойства, а сейчас, без сомнения, был именно такой момент.

– Ужасные мигрени мучают меня, – продолжила королева, – должно быть, это последствия тяжёлых родов.

Эдуард взглянул на супругу. Незнающему человеку вряд ли бы удалось определить её настоящий возраст. Она одновременно выглядела умудрённой опытом женщиной и по-детски невинной красавицей. Тело – сильное и гибкое, как у хищника, полное благородной грации – было готово в любой момент совершить молниеносный прыжок и вцепиться в горло. Нет, скорее дерево будет страдать от мигрени, чем эта женщина!

– Вы бы хоть потрудились напустить на себя болезненный вид, сударыня, – сказал король. – И что же вы хотите?

– Стены Тауэра не лучшим образом действуют на меня. Я пришла просить вашего позволения покинуть столицу на некоторое время.

– Вот оно что!

Эдуард беспокойно зашагал по комнате, делая вид, что усиленно размышляет. Затем он остановился напротив королевы и долго смотрел на неё, поглаживая светлую бороду.

– А когда-то вы, мадам, сетовали на то, что двор слишком часто переезжает. Почему, собственно говоря... Ах, да – мигрень. И куда вы желаете отъехать?

– Я могла бы некоторое время пожить в Виндзоре или в любом другом замке, который вы мне вроде бы подарили, но я там практически не бываю.

Король повернулся к супруге спиной.

– Сударыня, я вынужден отказать в вашей просьбе. И знаете почему?

Он резко повернулся обратно и принялся драматически тянуть время. Королева молча смотрела на него в ожидании ответа. Её взгляд не выражал абсолютно ничего, даже обычного презрения.

– Из соображений безопасности.

Наконец-то Изабелла стала проявлять первые признаки гнева. Она испепелила монарха презрительным взглядом и подошла чуть ближе, словно воспитательница, готовая отчитать нашкодившего ребёнка.

– Вам, ваше величество, постоянно мерещатся заговоры! Даже самого порядочного человека вы готовы превратить в предателя, но не понимаете того, что любой заговор, даже самый ничтожный, творится группой людей. Как я могу навредить вам, если совершенно лишена общества друзей? Ни одной родственной души не было подле меня со дня нашего венчания! Кругом одни надсмотрщики и шпионы!

Эдуард загадочно улыбнулся. Видимо, он добился того, чего хотел.

– Вы как всегда неправильно поняли меня, сударыня. Когда я говорю о безопасности, то имею в виду безопасность не себя лично, а всей королевской семьи. Вы разве не знаете, какое настроение нынче царит в народе? А проклятые бароны! Да они нарочно раздувают этот пожар, чтобы свершились их подлые планы. Монархия не была под такой угрозой со времён Генриха Третьего. Как я могу гарантировать вашу безопасность и безопасность наследника? Ведь вы же намерены взять его с собой?

– Если кому-то из королевской семьи и угрожает народный гнев, так это вам, ваше величество. А ещё, я думаю, они бы с превеликим удовольствием повесили Хьюго Диспенсера!

– Какие, однако, злые речи вы говорите, сударыня! – сказал Эдуард, расплываясь в довольной улыбке. Он крепче сжал в руке непрочитанную записку, которая как раз была от его любимого фаворита. – Скажите: что с того, что в трудный для страны период я окружаюсь надёжными людьми? Милый граф всегда готов оказать мне, так сказать, дружеское участие. И не только в государственных, но и в личных делах.

– Особенно в личных!

Эдуард откровенно расхохотался. Изабелла уже едва сдерживала себя. Её речь всё ещё казалась беспристрастной, но внутри – это было видно – полыхал настоящий пожар. Приходя в покои короля, она заранее была готова к отказу на свою просьбу, поэтому особо и не расстроилась, однако упоминания об интимных связях супруга всегда разжигали в ней ярость. Нет, она не ревновала Эдуарда, поскольку презирала его с момента первого знакомства, но то, как король выставлял свои пороки напоказ, пробуждало в ней разъярённую женскую натуру. Какой позор для монаршей семьи! Иногда казалось, что она единственная при дворе, кто понимает это.

Изабелла повернулась было к выходу, но, чувствуя спиной улыбку, остановилась.

– Вы говорите, что окружаете себя нужными людьми, но от многих этих «нужных людей» ваш покойный отец старательно очищал страну. Вы же привлекаете этот мусор назад и удивляетесь после этого, почему народ и бароны вас не любят.

– Только не делайте вид, сударыня, что вас как-то волнуют интересы государства!

– Самое страшное – что и вас они совершенно не заботят!

– Вот это напрасно, сударыня, – оправдался король, – буквально сегодня я имел беседу с лордом-казначеем о наших финансовых проблемах.

– И что же вы решили? – поинтересовалась Изабелла. – Хотя можете не отвечать – я догадываюсь. Вы увеличили не только налоги, но и пошлины в портах. Поздравляю, ваше величество, теперь вас не любят не только в Англии, но и за её пределами!

Довольное выражение вмиг исчезло с лица Эдуарда. Однако он быстро взял себя в руки и по-прежнему язвительным тоном продолжил:

– По поводу внешней политики можете не беспокоиться. Пока есть вы, я всегда могу надавить на вашего брата – короля Франции.

Изабелла резко повернулась и на сей раз решительно двинулась к выходу.

– Вы останетесь здесь, в Тауэре, сударыня, рядом со своим законным супругом до тех пор, пока отсюда не уедет двор, – крикнул ей вслед Эдуард и засмеялся.

После ухода королевы он почувствовал себя совсем разбитым. Странное дело: он полностью подчинил Изабеллу своей власти, он унижал её публично и наедине, но всякий раз, одерживая верх, ощущал в душе ядовитый осадок. Это печалило его больше всего.

На следующее утро король отдыхал после завтрака, расположившись в глубоком кресле. Его нога, вальяжно перекинута через обитый красным бархатом подлокотник, совершала плавные покачивания в такт неслышимой мелодии.

– Давно хотел спросить вас, граф: как долго вы намерены передавать мне эти записки?

– Вам не нравится, ваше величество?

Хьюго Диспенсер граф Глостер сидел в двух шагах от короля на низком пуфике и задумчиво смотрел в окно, за которым во дворе Тауэра королевская охрана совершала свои повседневные тренировки. Лучники выстроились в ряд, натянули тетивы и по команде сержанта выпустили стрелы. Почти все выстрелы оказались на редкость удачными.

– Не то, чтоб не нравилось, – ответил король, – просто это несколько глупо выглядит со стороны.

– Как раз поэтому, ваше величество, я всегда старался передать свои послания лично, с глазу на глаз.

– К чёрту ваши старания! – грубо заявил Эдуард. – Вся страна знает про нашу дружбу. Я не вижу повода скрывать это какой-то загадочной перепиской.

– Простите мне эту слабость, государь! Мои поступки во многом продиктованы чувствами. К тому же это – дополнительный повод искать вашей личной аудиенции.

Хьюго Диспенсер поднялся на ноги и плавными шагами приблизился к креслу короля. Он возложил руки на высокую спинку и наклонился ближе.

– Ваше величество, неужели вы настолько лишены романтики? Никогда в это не поверю!

– Знаете что, граф? Не слишком-то увлекайтесь вашей секретной перепиской! Мы с вами не тамплиеры.

Король убрал ногу с подлокотника и поставил на пол. Он несколько преувеличил свой гнев. Записки Хьюго Диспенсера его особо не возмущали, скорее наоборот. Порой он даже с нетерпением ждал очередного послания от фаворита, чтобы, уединившись, насладиться нежными словами. Наиболее удачные из таких записок король перечитывал неоднократно, каждый раз воображая себя неким посторонним человеком. Иногда он представлял себя молодым солдатом, читающим любовное послание от невесты, иногда – невестой, читающей послание солдата. Как-то раз он вообразил себя самым папой, нашедшим записку в Библии прямо во время мессы.

Надо заметить, что Диспенсер прекрасно понимал истинное раздражение короля, но, как по-настоящему гибкий придворный, виду не подавал.

– Вы слишком озабочены государственными делами, – сказал он. – Между тем многие проблемы имеют простое решение. Всё, что требуется, – так это немного воображения.

– Вот как! Тогда вообразите, милый Хьюго, чтобы Англия вновь стала сильной, крепкой и богатой державой!

Граф заметно оживился. С загадочной улыбкой он стал рассказывать по комнате, то и дело интригуя поглядывая в сторону короля. Эдуард непонимающе следил за ним, нахмурив брови.

– Почему бы вашему величеству не воспользоваться услугами алхимика?

– Алхимика? Вы либо шутите, граф, либо сверх меры увлеклись вашим тамплиерством, – удивился король. – Что вы мне предлагаете? Вырастить в пробирках армию гомункулов? Считаете, они не побегут с поля боя, как мои воины?

– Ваша армия в полном порядке, – граф остановился около окна. – Взгляните, как стреляют ваши лучники. Право, не зря ими восхищается вся Европа!

– Глупости! Вся Европа восхищается шотландскими пастухами, а над моими лучниками просто смеются!

– Наша армия испытывает недостаток средств, не более, а храбрости и умения английским воинам по-прежнему не занимать. Кстати, именно о финансах я и пытался заговорить с вами, ваше величество.

Эдуард вопросительно покосился на фаворита. Хьюго Диспенсер отчасти был прав: именно с финансами в армии дело обстояло плачевно. С деньгами были связаны и другие неприятности. Король вспомнил тот день, когда бароны с оружием в руках ворвались в палату совета и предъявили очередное обвинение. Они заявили, что монарх потратил средства, собранные по решению парламента на шотландскую войну. И сделал он это, разумеется, по наущению своих нечистоплотных советников, что, в общем-то, было недалеко от истины. Дело закончилось крайне плохо: вассалы пригрозили отказом от клятвы верности своему сюзерену на том основании, что он сам не держит клятву, данную при коронации. В итоге Эдуард вынужден был дать согласие на временную передачу власти этим магнатам, дабы они «вершили реформы, укрепляющие королевство и королевский двор в соответствии с правом и здравым смыслом». И вот сейчас фаворит готов дать очередной совет на денежную тему.

Диспенсер выдержал многозначительную паузу и продолжил:

– Говоря про услуги алхимика, я имел в виду, конечно, не гомункулов, не астрологические вычисления и даже не секрет вечной молодости – ваше величество и так выглядит по-

юношески свежо. Золото – вот единственное, чем могут нам помочь знания магистров. Золото, не добытое из рудников и не отнятое у врага, а полученное из дешёвого сырья алхимическим способом.

Король некоторое время смотрел прямо на графа, пытаясь понять, не шутит ли тот, и к своему ужасу понимал, что Хьюго Диспенсер говорит более чем серьёзно.

– Насколько я помню, милый граф, – произнёс он, наконец, – один французский монарх пытался проделывать подобные фокусы, и все мы знаем, что из этого вышло. Загадочная писанина, не более.

– Во-первых, ваше величество, не нужно прибегать к услугам шарлатанов, которых в каждой столице больше, чем блох на собаке. Здесь необходим достойный учёный – тот, который не кичится своими знаниями на каждом углу.

– А во-вторых?

– А во-вторых, к такому исключительному человеку требуется исключительный подход. Это как раз и являлось главной ошибкой в истории с французским алхимиком. Нужно было всячески поддерживать его работы в Парижском университете, вместо того чтобы передавать в руки папы и заключать в тюрьму на десятки лет!

– И кто же тот человек, о котором вы изволили говорить?

– Раймонд Луллий – известнейший в Европе учёный и неординарная личность. Мой отец, граф Уинчестерский, состоит в многолетней дружбе с аббатом Верне, который и описал в своих письмах знакомство с этим удивительным человеком. Аббат собственными глазами видел, как при помощи алхимических трансмутаций Луллий сумел получить чистейшее золото! Говорят, он постиг тайну философского камня.

Король смерил графа подозрительным взглядом. Впрочем, сомнений у него в душе становилось всё меньше. Единственное, чего он по-настоящему боялся, – так это выглядеть глупым и наивным, поэтому, как обычно в такие моменты, он поднялся с кресла и стал расхаживать по комнате, поглаживая бороду.

– И вы, собственно говоря, собираетесь пригласить его к нам?

Хьюго Диспенсер улыбнулся:

– Я уже понадеялся на вашу прозорливость и имел смелость пригласить Луллия в Лондон. В это время они с аббатом Верне уже в пути.

– Они уже едут?!

– Да, ваше величество. Если быть более точным, они получили приглашение от моего отца.

– Хм... Ну что ж, я с удовольствием пообщаюсь с ним. А каким именно способом привлечь этого Луллия на нашу сторону? Сделайте одолжение, граф: соберите про этого алхимика сведения – и мы подумаем, с какой стороны к этому коню лучше подступиться.

В ответ на это граф улыбнулся ещё шире и сделал два шага вперёд, словно демонстрируя монарху все прелести своего наряда.

– Сведений, которые я собрал, более чем достаточно. Присядьте, государь, и я подробно расскажу о нашем учёном.

Повиновавшись, король опустился в кресло. В который раз он как мальчишка попал под обаяние своего фаворита. Немало упреков приходилось выслушать Эдуарду о тлетворном влиянии советника, но, вопреки всем рекомендациям, он часто шёл на поводу у графа и «бегал за ним, как игривый котёнок за соломинкой». Хьюго Диспенсер тем временем расправил плечи, задрал повыше подбородок и, приняв вид авторитетного лектора, выступающего с кафедры Оксфордского университета, продолжил.

– Личность Раймонда Луллия окутана многими легендами, – с некоторым пафосом начал он. – Нам известно, что этот человек родился в знатной каталонской семье. В юности он служил стольником при дворе Хайме Завоевателя, после был сенешалем и наставлял на путь истинный

наследника престола. На родине Луллий прослыл талантливым поэтом и ещё более талантливым ловеласом. Говорят, что в возрасте около тридцати лет он сочинял очередное любовное послание и, когда с головой углубился в мир поэзии, с ним случился некий катарсис – ему было дано видение распятого Христа, который призвал молодого человека к себе. Так это или нет, но его жизненные планы круто изменились. Луллий оставил светское общество и королевский двор, бросил семью и с тех пор занимался двумя вещами – наукой и миссионерской деятельностью. Надо заметить, что в обоих занятиях он неслыханно преуспел – его в равной степени почитают как в университетах, так и в храмах. Даже сам папа покровительствует ему!

– Его приглашали в Сорбонну?

– Трижды, ваше величество!

– Любопытно! А как они познакомились с аббатом?

– Как я уже успел заметить, Луллий необычайно религиозный человек, хотя и не принял монашество. Он выступал с инициативой объединения францисканцев и доминиканцев в единый миссионерский орден и искал поддержку везде, где только можно, в том числе и у аббата.

– И что же?

– Как вы знаете, францисканцы и доминиканцы предпочитают нести свой крест порознь. Кстати, и сам Луллий продолжил миссионерство в одиночку. Он много раз посещал Святую землю, беря у мусульман их знания, а взамен предлагая веру Христову.

– Знаете что, граф, – король вскочил со своего места, – сдаётся мне, что это и есть главная слабость нашего алхимика.

– Вы хотите сыграть на его религиозных чувствах? – спросил Хьюго Диспенсер, улыбаясь. Как раз на такое королевское решение он и рассчитывал.

– Именно! – воскликнул Эдуард. – А сейчас давайте вашу записку и уходите. Я должен всё тщательно обдумать.

Поклонившись, граф протянул монарху сложенный вдвое белоснежный лист. И удалился.

2

Сержанта королевского гарнизона Джона Кроулера никогда не интересовали развязки и финалы. Даже в детстве, слушая библейские сюжеты и увлекательные истории про короля Артура, он начинал откровенно скучать, когда повествование доходило до середины. Начало – вот то, что по-настоящему волновало его как в сказке, так и в жизни. Окрылённый восторгом, он брался за новое дело, предавался очередному увлечению, но энтузиазм быстро проходил. Конечно, Кроулер продолжал выполнять начатое и даже доводил его до конца, но мысли при этом уже искрились ожиданием чего-то нового. Сам сержант нашёл этому следующее объяснение: происходит так не от недостатка характера, просто ещё ни разу в жизни он не столкнулся с тем по-настоящему важным делом, которым можно заниматься постоянно, не теряя вдохновения. Стоило ли ему искать это загадочное «по-настоящему важное» или оно само должно появиться, внезапно, как божественное откровение? Кроулер был убеждён, что стоило. Он внимательно присматривался к каждому изменению в жизни, пробовал его на вкус, как блюдо... и тут же отодвигал это блюдо в сторону, как нечто неудобоваримое.

Даже люди ему попадались на удивление неглубокие. Первое знакомство казалось заманчивым, но уже довольно скоро вся заурядность человека становилась очевидной, и общение делалось откровенно скучным. Джон начал подозревать, что сам Господь испытывает его настойчивость. Будто светлый ангел неожиданно появляется то тут, то там – в новой женщине, очередном увлечении или на новой службе – и так же быстро исчезает, чтоб возникнуть уже в другом месте. Может, в этом и заключался особый промысел?

Одним из действительно достойных людей в жизни Кроулера был сэр Уильям. Этот рыцарь имел совершенно необыкновенный рост, а его голова, не желая отставать от туловища, вытянулась до чудовищных размеров. Руки были настолько длинными и мощными, что смекали в сражении всё на своём пути. Гигантская фигура, несущаяся вперёд, вселяла во врага панический ужас. Это была сама смерть, косившая души грешников, а порой и праведников, если те попадались на пути. При этом печать благородного спокойствия не покидала вытянутого лица даже в самые опасные минуты.

Джон вырос в одной из деревень, принадлежащих сэру Уильяму. Хозяин часто посещал свои владения, а по праздникам устраивал различные состязания, уделяя особое внимание деревенским мальчишкам. Он учил их искусному владению оружием, военной стратегии и всячески прививал качества настоящего рыцаря. Именно сэр Уильям показал Джону приём контратаки, который тот с завидным упорством оттачивал день за днём. Удар противника необходимо было отбить особым способом, чтобы его меч опустился к земле, затем нанести ответный колющий удар прямо в грудь. Этот приём Джон отработал до такой степени, что ни один из деревенских мальчишек не мог противостоять ему – все становились жертвами деревянного меча, оставлявшего на груди огромные синяки (молодой Кроулер не очень-то сдерживался при ударе). Желających получить травмы с каждым днём становилось всё меньше, а вскоре ребята и вовсе перестали общаться с ним.

Спустя несколько лет, когда Джону исполнилось пятнадцать, сэр Уильям взял его к себе на службу. Теперь его домом стал замок в пяти милях от родной деревни, и своих родных он видел очень редко – только когда в замке устраивались праздники.

В один из таких шумных дней Кроулер впервые убил человека. Среди разномастной публики у ворот замка вдруг закричала женщина. Она твердила всем, что видела одного из разбойников, отправивших в рай её мужа. Джон легко распознал в толпе грузного мужчину с красным лицом, который спешил скрыться из виду. Он догнал его и приказал остановиться. Вместо ответа мужчина обнажил меч и немедленно пустил оружие в дело. Кроулер убил его своим излюбленным приёмом. Всё было как во время игр с деревенскими мальчишками, только

на этот раз меч не оставил на груди синяк, а вошёл прямо внутрь. Героем Джон себя не почувствовал.

Служба, о которой он так мечтал в детстве, тоже утратила своё очарование и всё меньше походила на истории о рыцарской доблести. Ещё большее разочарование он получил во время шотландской кампании. Совершенно бессмысленные сражения, лишённые благородства и подвига. Две битвы закончились ничем – обе стороны просто разошлись после часового кровопролития. Третью битву они проиграли, и остатки английского войска разбежались кто куда.

А после рухнул ещё один идеал: Джон узнал, что его хозяин казнён за измену. Рыцаря повесили, как последнего разбойника, и его долговязое тело несколько дней украшало столб возле городских ворот, всё ещё внушая страх окружающим. После смерти сэра Уильяма начали всплывать и ужасающие подробности его деяний при жизни. Оказалось, что он своими руками умертвил шестнадцать человек, и сделал это не на поле брани, а в недрах собственного замка. Кроме того, все убиенные оказались женщинами, а если быть точнее – его любовницами. Каждую из них сэр Уильям травил толчёным изумрудом, отрезал голову и крепил эту голову к стене, как охотничий трофей. Таким образом рыцарь оборудовал чудовищную галерею, по которой ежедневно ходил из своих покоев в трапезную. Старухи в деревнях судачили, что в аду с ним проделывают то же самое: голову ежедневно отрезают, а ночью она вновь прорезается, как зуб. Так сэр Уильям и мучается в обществе своих продолговатых голов, которые, даже будучи отделёнными, продолжают болеть.

Спустя год (на тот момент ему уже исполнилось двадцать два) Джон стал служить самому монарху – он попал в гарнизон Тауэра, где заработал репутацию усердного служаки и быстро получил должность сержанта.

Солдаты не очень-то жаловали своего начальника. Во-первых, сержант был слишком молод, да и военного опыта у многих накопилось побольше. Во-вторых, он слишком напирал на дисциплину и заставлял всех упражняться так же усердно, как сам упражнялся когда-то. Джон требовал точного исполнения всех своих требований и сам, не задумываясь, выполнял любой приказ свыше.

Здесь же, в Тауэре, рухнул последний оплот его юношеских воззрений. Образ короля оказался бесконечно далёким от того идеала, которому он мечтал служить. Тут, в самом сердце монархии, он понял, что интересы страны и самого Эдуарда Второго – две совершенно разные вещи, и чем больше помощи он приносит при дворе, тем хуже от этого становится самой Англии. Несмотря на это, Кроулер добросовестно исполнял свои обязанности, хоть и чувствовал себя заключённым в ловушку, где любое действие лишено всякого смысла. Он снова наносил удары деревянным мечом, который оставляет лишь синяки, проходящие через неделю, не более.

Всё изменилось с появлением в замке таинственного незнакомца в странном одеянии. Человек был очень старым и носил длинную седую бороду, которая росла, казалось, прямо из-под головного убора – не то шляпы, не то берета. Тело старика с головы до ног скрывала просторная мантия, похожая на монашескую рясу, но даже под ней были заметны гордая осанка дворянина и тело, всё ещё полное сил.

Незнакомец появился в сопровождении аббата Верне. Обоим велено было доставить к королю. Они двигались по Водному переулку между двумя крепостными стенами в сторону башни Уэйкфилд. Сержант провёл их через караул охраны, и гости попали на территорию внешнего двора. Вдоль стены они подошли к воротам Колдхарбор, ведущим за внутренние укрепления.

– В третий раз посещаю Тауэр и каждый раз не могу отделаться от мрачного предчувствия, – признался аббат своему спутнику. – Приходя сюда в качестве гостя, никогда не знаешь, в каком качестве покинешь замок. И покинешь ли вообще.

Услышав это, Джон Кроулер улыбнулся про себя. Многие из тех, кого ему довелось сопровождать, высказывали подобные опасения. Даже самые влиятельные персоны начинали чувствовать незащищённость в окружении этих каменных стен. Что ж, нынешние гости могли порадоваться только тому, что не попали в крепость через Ворота Предателей. Многие прошедшие тем путём действительно не возвращались наружу и заканчивали свои дни на Тауэрской лужайке. Даже останки этих несчастных оставались в крепости – без надгробий покоились у церкви Святого Петра.

Во дворе замка, как и всегда, было полно народу. Люди спешили по своим повседневным делам или уже занимались ими. Кто-то готовил пищу, дразня окружающих аппетитными запахами, другие дрессировали собак и ухаживали за лошадьми, распространяя уже не столь приятные ароматы. Однако большинство слонялось без дела. Внимательный взгляд сержанта без труда определил лентяев, хоть и вид у них был до того важным, словно они выполняли поручения самого короля.

Не обращая особого внимания на галдящую толпу, гости вслед за сержантом приблизились к зданию Белого Тауэра. Величественное сооружение предстало пред ними во всей красе, заслонив своими этажами и угловыми башнями половину неба. Человек, впервые увидевший Белый Тауэр, этот замок в замке, невольно поражался той красоте и мощи, что исходили от белоснежных стен. Если, конечно, не знал, что цвет здания, ошибочно принимаемый за символ королевской власти, имеет не совсем благородное происхождение.

Виной всему была королевская уборная, или гардероб, как её называли в те времена. Расположенная на втором этаже комната была оборудована мраморным креслом и трубой, по которой монаршие испражнения поступали за внешнюю стену и по этой же стене благополучно стекали вниз. Помимо всех удобств, это приспособление обладало как минимум двумя недостатками. Во-первых, вышеупомянутая труба располагалась под таким углом, что проходящая внизу стража при желании могла любоваться интимным процессом в гардеробе. Ну, а во-вторых, с годами стена замка начала приобретать крайне неприятный цвет и ещё более неприятный запах, а затем нечистоты, как живые, стали расползаться по остальным стенам.

Наконец, Генрих Третий приказал очистить стены и покрыть их белой известью. Его решение, очевидно, было продиктовано не столько соображениями эстетики, сколько требованиями дезинфекции. Оно и понятно: его батюшка, король Иоанн Безземельный, скончался здесь от дизентерии. И не он один.

Украдкой взглянув на своих спутников, Кроулер заметил, насколько по-разному эти двое ведут себя. Аббат, по его собственным словам, уже не раз посещавший замок, излишне суетился. Он то с опаской оглядывался по сторонам, то с восхищением взирал на высокие башни. И сразу становилось ясно: ничего хорошего от встречи с королём он не ожидает и уже будто намечает дорогу для отступления. Спутник аббата держался иначе, но что именно происходило у него на душе, понять было абсолютно невозможно даже самому проникательному человеку. Он не смотрел по сторонам, да и вообще, казалось, не смотрел, а направил взгляд внутрь самого себя. Его ноги совершали чёткие шаги, руки скрывались в складках мантии. Старику было решительно всё равно, что его ожидает: королевские покои или подземелье, кишящее крысами да пауками.

Так они приблизились к воротам Колдхарбор и, миновав очередной караул охраны, попали на территорию внутреннего двора, куда доступ простому люду был закрыт.

Эдуард ожидал посетителей на первом этаже здания, в комнате, где он обычно принимал неофициальных гостей. Здесь часто проходили встречи с его товарищами, которые по обыкновению не являлись высокопоставленными людьми. Поэты и музыканты, столь любимые королём, практически не выводились из этого помещения. Не менее часто здесь появлялись куз-

нецы и садовники; при случае можно было наткнуться и на конюха, ведущего с монархом увлекательную беседу, а то и рассказывающего скабрёзные анекдоты.

Будучи сыном короля активного и воинственного, Эдуард с детства одинаково ненавидел и военные походы, и политические встречи. Будто бы назло покойному отцу он вёл в стенах Белого Тауэра праздные разговоры и водил знакомство с самыми отъявленными простолюдниками. Нередко случалось и такое, что его неблагородного происхождения приятели получали мощную протекцию и в один миг превращались во влиятельнейших людей государства. Что и говорить: любить Эдуард умел так же сильно, как и ненавидеть. По его внезапной прихоти любимчики, словно прошедшие шахматное поле пешки, получали высокий титул и становились важными фигурами в политической игре. Так, сына булочника Уолтера Рейндолса он сделал архиепископом Кентерберийским, а Уильяма де Мельтона, ещё менее знатного происхождения, – архиепископом Йоркским. Но настоящие лавры достались нищему гасконскому рыцарю Пирсу Гавестону, который стал главным увлечением монарха. Ещё будучи принцем, Эдуард передал в руки этого молодого красавца своё родовое имение Понтье. Узнав об этом, умирающий Эдуард Первый в бешенстве вырвал клоч волос из головы сына, а свои последние слова в этом мире посвятил Гавестону. Слова, надо полагать, не самые лестные: «Гоните мерзавца прочь!» – завещал он. Ну а когда отец скончался, Эдуард Второй и вовсе наделил фаворита неограниченными полномочиями, практически передав в руки бразды правления государством, – и это несмотря на то, что в стране из-за всех этих назначений уже пахло мятежом. Ситуацию усугубляло ещё и то, что Гавестон не просто пользовался дарами королевской любви, а позволял себе презрительное, порою оскорбительное отношение к прочим высокопоставленным особам, понося их по поводу и без. Графа Уорика он в лицо называл «чёрным псом», а Томаса Ланкастера величал не иначе как «боровом». Неудивительно, что в один прекрасный день и без того оппозиционно настроенные бароны решили смыть оскорбления кровью. Они схватили глумливого фаворита и учинили над ним суровую расправу. Тело королевского советника расчленили, а его голова оказалась в покоях обиженного Ланкастера, где превратилась в некий реквизит, «всегда дарующий величайшую радость». Другие останки королевского баловня Ланкастер вознамерился подарить графу Уорику, но тот поспешил отказаться от такого щедрого презента (может, оттого, что побрезговал, а скорее всего – опасаясь мести Эдуарда Второго).

После того как мятежные бароны расправились с Гавестоном, монарх не успокоился – настал черёд Хьюго Диспенсера. Следующий любимчик стал настолько приближен к королю, что уже никакие интриги, угрозы и даже война не в силах были разорвать этот союз. Бароны и все остальные быстро убедились, что перед ними ещё одна, ухудшенная, версия Гавестона.

Вот и сейчас в комнате, где, по выражению Эдуарда, «не пахло лордами», Хьюго Диспенсер граф Глостер разделял общество монарха. Когда слуга доложил о приходе гостей, оба отвлеклись от болтовни и поприветствовали пришедших.

Аббат Верне согнулся в низком поклоне. Его спутник повторил это движение, но менее пылко. Затем они оба поздоровались с графом.

– Хочу поблагодарить вас, ваше величество, за отменное английское гостеприимство, – сказал аббат, когда короткая церемония закончилась.

– Не стоит, аббат, мы всегда рады таким гостям, как вы, – ответил король. – Что касается гостеприимства, то за эту традицию нужно благодарить моего деда, короля Генриха Третьего. Именно он укрепил этот замок специально для того, чтобы друзья не покидали его раньше положенного срока.

Присутствующие оценили шутку и откровенно посмеялись.

– Сеньор Луллий, – обратился король ко второму гостю, – насколько я знаю, вы впервые в Англии.

Учёный спокойно смотрел в лицо Эдуарду. Он имел вид человека, не раз бывавшего на приёмах у королевских особ, и присутствие монарха его ничуть не смущало.

– Ваше величество, – спокойно ответил он, – прошу меня простить, но я не очень привык к обращению «сеньор». От своих дворянских привилегий я отказался много лет назад и посвятил себя служению Богу.

Возникла неловкая пауза. Все с недоумением посмотрели на алхимика. Ещё никому до этого не приходило в голову просить короля быть разборчивым в обращениях! Однако самого Эдуарда это особо не расстроило.

– Как же в таком случае прикажете вас называть? – поинтересовался он.

– Вы можете, как и все, называть меня «магистром» или «доктором».

Король рассмеялся.

– Хорошо, доктор, но не удивляйтесь, если я со временем стану одним из ваших учеников. – Он вдруг принял чрезвычайно серьёзный вид. – Признаться, я как раз хотел воспользоваться некоторыми вашими советами, ибо уверен, что ангел Божий не зря свёл нас вместе.

Луллий чуть поклонился, выражая свою готовность оказать услугу. Несмотря на своё одеяние и возраст, он всё-таки больше походил на благородного рыцаря, нежели на монаха или учёного. А этот блеск в глазах свидетельствовал о том, что старик в любой момент способен обнажить меч и с оружием в руках отстаивать свою веру.

Аббат Верне сделал шаг вперёд и обратился к Эдуарду:

– Ваше величество, у меня есть некоторое поручение от короля Франции.

– Позже, дорогой аббат, позже, – оборвал его Эдуард, – а лучше изложите всё графу Глостеру, он мой главный помощник в политических делах. Если не возражаете, мы с магистром Луллием обсудим вещи более духовные.

Прежде, чем аббат успел возразить, Хьюго Диспенсер взял его за руку и поспешно вывел из комнаты.

Оставшись наедине, король и учёный расположились в креслах друг напротив друга.

– Должен сказать, уважаемый доктор, что положение в моей стране критическое, – начал король. – Я состою в настоящей вражде со своими подданными. Увы, клятвы и присяги в наше время значат очень мало, и если реальное расположение сил на стороне одного из лордов, он расстанется со своими обязательствами так же быстро, как камень расстанется с катапультой. – Он замолчал, озабоченно уставившись в пол, и, поглаживая бороду, продолжил: – Господь милостив, но он и наказывает нас за наши грешные деяния, не так ли?

– Всё имеет свою причину, ваше величество, – ответил Луллий, – и помимо воли Божьей, мы сами творим свою жизнь – как преступлениями, так и благодеяниями.

– Вы так считаете? Довольно странное мнение для религиозного человека.

– Не следует любое событие напрямую возводить к Божьей воле. Бог есть первая причина в мире, но действует она посредством многих второстепенных причин, что создаются и самим человеком.

– Должно быть, вы правы, доктор. Конечно, и наше бедственное положение имеет свои корни, и надо заметить, что корни эти не менее ядовиты, чем чаша Сократа. Чудовищное падение нравственности – вот главная беда нашей страны, да и не только её. Стяжание славы и служение короне уже не в такой чести, как при Ричарде Львиное Сердце. Сейчас лорды больше интересуются величиной ренты со своих вотчин, а некоторые не прочь заполучить и вотчину соседа.

Учёный утвердительно кивнул. Подобные порядки были ему знакомы.

– Не стоит забывать и про огромное количество безземельных рыцарей, – продолжал король. – Они также представляют реальную силу, и роялистов среди них всё меньше и меньше. Что и говорить: многие из этих людей испытывают нужду и ищут покровительства – потому-то бароны и перетягивают их на свою сторону. Деньги заставляют забывать о своём служении

Господу и Его наместнику на земле! Война у этих людей в крови, и если светлый образ покидает сердце, они направляют оружие друг на друга. Воистину, прав был мой знакомый священник, сказавший, что затишье опаснее любой бури, а самый главный враг – отсутствие врагов. Так было всегда.

– Какой же совет, ваше величество, хотели услышать от меня?

– Как вы уже поняли, только милость Господа нашего и наша крепкая вера могут спасти Англию. Церковь не раз приходила на помощь. «Божий мир», к примеру, запрещал подданным распри с четверга по воскресенье. Но если это правило ещё как-то действовало во времена моего прадеда, то уже при моём отце оно потеряло всякую популярность. А нынче, чтобы напасть на своего соседа, никому и в голову не придёт смотреть на луну или в календарь. Конечно, вы знаете, что нашим главным спасением были крестовые походы. Турки, захватив Гроб Господень, немало способствовали объединению христиан, но теперь и это осталось в прошлом. Не менее хорошим поводом прекратить междоусобицу стала наша вражда с шотландцами (гореть им всем в аду!). Папа Климент Пятый предал их анафеме за беззаконие, так что эта война могла бы стать для нас чем-то вроде маленького крестового похода. Однако ситуация приняла другой оборот. То, что должно было сплотить, на деле внесло новую рознь. Мой кузен Томас в своих северных владениях организовал нечто вроде второго правительства. Он отказался принимать участие в войне, а каждую нашу неудачу использовал, чтобы обвинить меня и склонить баронов на свою сторону. Но, клянусь гербом Плантагенетов, наш корабль вновь обретёт своего кормчего!

Эдуард сделал паузу, переходя таким образом к наиболее важной части своей речи.

– Я собираюсь возглавить новый крестовый поход! – торжественно заявил он. – Под моим началом христианские воины в девятый раз отправятся в Палестину.

Раймонд Луллий смотрел на короля так же, как Адам взирал на Еву до вкушения запретного плода, – то есть совершенно безучастно и не заинтересованно. Казалось, он до сих пор не понимает, какая роль при этом отводится ему.

– Я слышал, что вы главный распространитель христианской веры на восток, – пояснил король, – и хотел бы во всём полагаться на ваш авторитет.

– Рад, ваше величество, что вы отводите мне столь важную миссию, – задумавшись, проговорил учёный, – но мне кажется, что прежние походы против мусульман были обречены на неудачу как раз потому, что многие христиане оказались нравственно гораздо ниже сарацин. Теперь же вы предлагаете набрать войско из ваших вассалов, которых сами обвиняете в подлости и измене.

– Их предательство вытекает из внутреннего положения страны, – возразил Эдуард. – Я уверен, что в душе они такие же ревностные христиане, как и наши предки, нужно лишь призвать их к исполнению священного долга.

– Возможно, но я всё-таки боюсь, как бы вместо отпущения грехов они не заработали себе новых.

– На всё воля Божья, дорогой доктор! Так вы согласитесь стать нашим духовным наставником в этом деле?

– Я буду рад помочь, ваше величество. Но, признаюсь, у меня есть собственные взгляды на миссионерство.

– Каковы же они? Любопытно будет узнать.

– Ну, во-первых, я не презираю неверных так сильно, как это, возможно, должен делать христианин. Напротив, я считаю, что сарацины – вполне достойные люди. Просто Всевышний даровал нам более совершенное учение, и мы обязаны донести его суть до тех, кто верит в Аллаха. Не оружием мы должны покорить мусульман, но доводами разума! Вы знаете о проповеди, которую святой Франциск Ассизский читал египетскому султану?

И Раймонд Луллий рассказал королю историю, случившуюся в сентябре 1219 года во время вторжения христиан в Египет.

Два человека, укутанные в сутаны из грубого сукна и опоясанные простыми верёвками, вышли из лагеря крестоносцев под Дамьеттой и по египетским пескам двинулись в ту сторону, где располагалась ставка султана. Это были святой Франциск и брат Иллюминат. Время для своего похода они выбрали, пожалуй, самое неподходящее: очередной крестовый поход нарушил все договорённости между мусульманами и христианами, а султан приказал лишать головы всякого, кто посмеет осенить себя крестом.

Можно представить себе удивление дозорных, когда два человека, невероятно похожие на назареев, приблизились к ним и сами смиренно признались: «Мы – христиане». Такая неслыханная наглость сопровождалась ещё более дерзким прошением: отвести их к самому аль-Камилю, столь бесцеремонному в расправе над неверными. Возможно, их приняли за вероотступников, желающих принять ислам, или за предателей, жаждущих сообщить ценные сведения за награду, а может быть, сарацины поразились их бесстрашием, граничащим с безумием. Так или иначе, монахов хорошенько побили и доставили к султану. Оказавшись во дворце, Франциск с Иллюминатом не стали терять времени даром и бойко принялись проповедовать. Аль-Камиль был поражён не меньше остальных. Сначала с удивлением, а после с любопытством он внимал речам нищенствующих монахов, которые излагали евангельское учение так пылко и увлекательно, что от его ненависти вскоре не осталось и следа. В течение трёх дней продолжалась эта проповедь, а снаружи, за тройным кольцом крепостных стен Дамьетты уже шумела битва – сарацины отбивали яростные атаки крестоносцев. Христиане напирали на султана всеми возможными способами: там, за окном, прокладывали дорогу мечами, а здесь, внутри, давили красноречивыми аргументами. Но если нападение вооружённых рыцарей удалось успешно отбить, то с проповедью дела обстояли не так однозначно: султан вынужден был прервать францисканцев, опасаясь, как бы некоторые его подданные (а возможно, и он сам) не вздумали принять христианскую веру. Напоследок святой Франциск решил усилить триумф и предложил своему мусульманскому оппоненту Фахру-аль-Дин-Фанизи вместе взойти на огонь, чтобы таким образом доказать истинность своей веры. Однако султан выступил категорически против такого эксперимента: «Не следует искушать Господа», – заявил он, словно истинный католик.

Эта история, произошедшая во времена страшных гонений на христиан, доказывала превосходство истинного знания над силой оружия. Христианство, излагаемое устами францисканцев, оказалось сильнее той веры, что несли крестоносцы на остриях своих копий.

Король выслушал рассказ с неподдельным интересом, как нравоучительное моралите.

– Обращение язычников – не это ли наша главная цель?! – воскликнул он, когда Луллий закончил. – Клянусь Святым распятием: такой поход не только спасёт наши души, но и сохранит наши бrenные жизни! К чему лишнее кровопролитие, когда Иисус завещал нам любить своих врагов? Однако армия нам всё же понадобится, не так ли?

– Только для того, чтобы защитить наших миссионеров от расправы. Ведь пятерым сподвижникам святого Франциска повезло меньше. Можно порадоваться только тому, что они скончались как мученики, распространяя истинную веру! Вооружённое вторжение, я считаю, необходимо лишь для того, чтобы заключить перемирие на выгодных нам условиях: безопасности паломников, возведения храмов и беспрепятственного распространения христианства. Если всё сделать правильно, то сарацины с удовольствием спрячут мечи в ножи.

– И где именно должно произойти такое вторжение?

– Северная Африка, – не задумываясь, сказал учёный. – Но прежде необходимо создать наши базы на Мальте и Родосе.

– Я вижу, что вы немало поразмышляли над этим.

Эдуард широко улыбнулся, довольный тем, что взаимопонимание наконец-то достигнуто. Однако лицо его быстро помрачнело.

– Вы заметили, доктор, что до сих пор я вёл беседу предельно откровенно? Так буду откровенен до конца. Признаюсь, что наша главная загвоздка в этом вопросе – снова деньги. Я не могу в полной мере распоряжаться государственными средствами, ибо с некоторых пор вынужден был передать основные права парламенту. Так что даже владея королевской печатью, я не смогу набрать нужную сумму. Жалование рыцарям и солдатам, изготовление оружия и аренда кораблей в Генуе – на всё на это необходимо искать дополнительные деньги, и эти суммы огромны! Как вам известно, у папы имелся специальный фонд для крестовых походов, но он наверняка откажет в субсидии. Его святейшество можно понять – ведь он много вложил в борьбу с мятежными шотландцами, а их так и не наказали за святотатство. К тому же один недавний инцидент испортил наши взаимоотношения. Знаете ли, два папских легата, что прибыли к нам, оказались в руках разбойников, которые раздели их до нитки и абсолютно голыми отпустили. Большой позор! Думаю, единственное, на что после такого можно рассчитывать, – это временная передача десятины в наше распоряжение.

– Полагаю, что мог бы договориться об этом с папой.

– Прекрасно! Только, боюсь, это не исправит положения, – с досадой заметил король. – Если уж мы собираемся идти на скорейшее перемирие с сарацинами, то и прибыль от этой компании будет минимальной. Я слышал, что вы, доктор, обладаете великим знанием. В ваших руках столь чудесные тайны, что могущество Соломонова перстня даже не сравнится с ними.

– Какие знания вы имеете в виду?

– Я говорю про вашу способность превращать свинец в золото.

Луллий ничего не ответил, лишь посмотрел на монарха с некоторым недоумением. В какой-то момент Эдуарду показалось, что учёный вот-вот рассмеётся ему прямо в лицо.

– Аббат Верне писал, будто видел собственными глазами, как вы произвели на свет целый слиток!

Учёный глянул в сторону выхода – на дверь, за которой не так давно скрылся его спутник.

– То, что видел аббат, – не совсем золото, – медленно проговорил он.

– Так это была шутка? – испугался король.

– Нет, ваше величество. То, что я показывал аббату, не было металлом. Это – золото в том состоянии, которое неподвластно человеческим рукам. Его нельзя хранить и уж тем более чеканить из него монеты.

Эдуард похолодел. Он не совсем понял, что имел в виду алхимик, но ясно осознал, как вся их безумная затея рассыпается на глазах, даже не успев начаться. Не зная, что сказать дальше, он пожалел об отсутствии красноречивого Хьюго Диспенсера.

– Но вы же можете придать этому золоту нужное нам состояние? – собравшись, спросил он.

– Возможно, но для этого потребуется дополнительная работа.

– Я готов предоставить вам всё необходимое, – сказал король с некоторым облегчением. – Если вы согласитесь, я оборудую самую совершенную лабораторию во всей Европе! Вы можете проводить любые эксперименты, и лучшие люди страны будут в вашем распоряжении.

Тут произошло нечто странное, о чём Эдуард впоследствии будет вспоминать не без содрогания. Взгляд Раймонда Луллия вдруг потерял свою каталонскую жгучесть и как-то погас. Казалось, что душа учёного временно покинула тело и находится где-то далеко. Может быть, в Палестине, подле Гроба Господня, проверяя, на месте ли святыни, которые они собираются очистить от присутствия неверных? Так старик просидел с десятков секунд. Затем Эдуард с ужасом заметил, что только один глаз алхимика обрёл ясность, в то время как второй продолжал

оставаться безжизненным. Некоторое время учёный, не моргая, смотрел прямо на монарха, а после и второе око вернулось к нормальному состоянию.

– Я согласен, ваше величество, – проговорил он, наконец, выйдя из состояния прострации, – но вы должны обещать мне, что ни одна монета из сделанного мною металла не будет потрачена во вред христианской вере и её преданным служителям.

Эдуарду вдруг представилось, что за спиной Раймонда Луллия стоит целая толпа. Нет, не толпа – стройное войско, каждый член которого со строгостью взирает на короля. Все эти призраки являлись немymi свидетелями того, что сейчас скажет монарх.

– Клянусь копьём святого Георгия! – торжественно произнёс Эдуард, поднимаясь с кресла, – эти деньги пойдут лишь на благое дело, а наш крестовый поход станет самым достойным за всю историю христианства!

Учёный, судя по всему, остался доволен таким ответом. Он поднялся на ноги вслед за королём.

– Осталось ещё одно обстоятельство, – добавил Эдуард. – Как вы поняли, я не особо рассчитываю на поддержку своих вассалов и боюсь, как бы мой кузен снова не использовал всё это в своих гнусных целях. Другими словами, наше предприятие должно остаться тайной для всех остальных.

– Полностью соглашусь с вами. То, чем я занимаюсь, не подлежит огласке, и лишние слухи могут только навредить.

– Отлично, тогда я предлагаю сделать вашу лабораторию прямо здесь, в Тауэре – одном из самых надёжных мест моего королевства.

Кивком головы алхимик дал понять, что не возражает.

– В таком случае жду от вас указаний. Будьте любезны, составьте подробный список того, что вам понадобится, и передайте его коннетаблю. Нет, лучше лично мне – я намерен взять дело под собственный контроль. – Эдуард улыбнулся особенно широко. – И я надеюсь видеть вас на торжественном приёме завтра перед обедом.

3

Весть о прибытии в Лондон знаменитого алхимика вмиг облетела двор, затем Лондон, а после стала расползаться по стране с быстротой, с которой хорошие новости нередко опережают дурные. Все, кто находился в Тауэре или вблизи замка, включая и тех, для кого имя Раймонда Луллия являлось не более чем пустым звуком, вдруг возжелали хоть одним глазком лицезреть столь известную в Европе персону. Особенно повезло тем, кто был приглашён на королевский приём и последующий обед в здании Белого Тауэра. Учитывая, что уже следующим утром король должен был отправиться в своё любимое с детства поместье Кинг Ленгли, для придворных это была едва ли не последняя возможность увидеть Луллия живьём.

Большой зал на первом этаже Белого Тауэра наполнился ароматами благовоний, перебивающих запах человеческих тел. Обычай регулярно мыться – так, как это уже делали арабы, – ещё не укоренился в Европе, но различные духи знать применяла с большой охотой.

Король расположился в центре помещения в высоком кресле. Его бархатный камзол, сшитый по последней моде, блестел драгоценными камнями, грудь и спину украшали золотые львы. Один из этих львов, а точнее – тот, что был на королевской груди, – имел непропорционально короткий хвост. Он не извивался так гордо и величественно, как на прочих изображениях, а торчал, подобно какому-то обрубок. Поначалу Эдуард собирался выдать десяток плетей итальянскому мастеру, изготовившему этот «шедевр», но после вдруг щедро наградил его. Королю пришло в голову (не без помощи Хьюго Диспенсера), что это отличие делает его кем-то особенным в роду Плантагенетов. Обрубок стал символом его индивидуальности.

Хьюго Диспенсер граф Глостер разместился по правую руку от короля; место с другой стороны занимал Сигрейв – коннетабль Тауэра. Они наслаждались виртуозной игрой известного менестреля-арфиста, прибывшего по приглашению короля с Кипра. Именно в тот момент, когда прозвучал последний аккорд, в зале появился припозднившийся Луллий. Он вновь был в сопровождении аббата, но присутствующие как будто заметили только его. В возникнувшей тишине послышался шёпот.

Под пристальными взглядами придворных пришедшие приветствовали короля. После того, как волна интереса несколько стихла, Луллий передал Эдуарду перевязанный красной лентой пергамент – список необходимых для лаборатории вещей. Тот бегло ознакомился с перечнем и передал документ коннетаблю.

– Завтра утром мы покидаем Тауэр, – обратился он к алхимику. – Сэр Сигрейв сделает всё необходимое для нашего дела. Не так ли, коннетабль?

– Конечно, государь, – ответил Сигрейв, с любопытством заглядывая в пергамент. – В замке есть несколько подходящих помещений, но в целях наибольшей безопасности и во избежание огласки я мог бы рекомендовать Фонарную башню или одно из новых зданий во внутреннем дворе.

Эдуард одобрительно кивнул головой.

– У меня есть ещё одна просьба, ваше величество, – сказал Луллий. – Алхимия – необычайно тонкая наука, и результаты моей работы зависят от многого. Чтобы получить золото, нужны не только исходные компоненты, здесь важны и расположение планет, и – самое главное – особенные люди, которые своим присутствием не нарушат равновесие процесса.

– Вам нужны особые слуги?

– Лишь один человек, ваше величество. Все остальные могут только помешать. Поэтому я настоятельно прошу оградить лабораторию от посторонних.

– И кто же ваш таинственный помощник?

– Его зовут Али. Этого араба я ещё недавно повстречал во Франции, и он вместе с нами пересёк Ла-Манш.

– Вы хотите привести неверного сарацина в самое сердце Англии?

Король мельком взглянул на своего любимого советника. Диспенсер сидел спокойно, чуть склонив голову набок, и явно не проявлял признаков беспокойства.

– Этот Али прекрасно владеет нужными мне ремёслами, – пояснил учёный. – К тому же для меня это прекрасная возможность попрактиковаться в арабском.

– Будь по-вашему, – хмыкнул Эдуард, – но я надеюсь, что он не перережет горло моему храброму коннетаблю.

Сигрейву шутка не понравилась. Он, в свою очередь, глянул на Хьюго Диспенсера – видимо, ожидая, когда советник скажет своё слово. Но граф счёл нужным промолчать и на этот раз.

Тут всеобщим вниманием завладело новое лицо, появившееся в зале. Явилась Изабелла в обществе неизменной леди Джейн и нескольких французских слуг. Сегодня королева была достойна общего внимания. Её голову украшала тонкая корона с изумрудами; волосы были заплетены в косы и завернуты в изящные спирали поверх ушей. Глаза Изабеллы блеснули так, словно ей только что невероятно повезло в любви.

Общее внимание длилось недолго. После того, как Эдуард холодно отреагировал на появление супруги, его придворные посчитали своё восхищение излишним и быстро отвели взгляд. Изабелла устроилась в кресле в самом углу залы, где уже присутствовали несколько дам, с которыми можно было обсудить свежие книги или услышать новости из Европы. Однако взор её всё время осторожно блуждал по залу в поисках Раймонда Луллия, – и вот она нашла его.

Учёный в это время поблагодарил короля и попросил разрешения предстать перед его супругой. Подойдя к Изабелле, он опустился на одно колено и осторожно поцеловал край её красного платья.

– Для меня большая честь, мадам, вновь оказаться подле вас, – сказал он по-французски.

Это приветствие было необычно для человека столь преклонных лет. Казалось, что глаза алхимика сияют настоящей страстью.

– Это ваше общество – большая честь для всех нас, сеньор Луллий, – возразила королева, – а лично я ужасно рада видеть вас спустя столько лет. Наша последняя встреча состоялась во Франции, при дворе моего отца. Мне тогда было не больше десяти лет. Впрочем, это нельзя назвать встречей – ведь мы виделись почти мельком.

Учёный поднялся на ноги.

– Я прекрасно помню этот день, мадам. Уже тогда ваши красота и благородство были главным украшением Франции. Теперь, я вижу, ваше присутствие по-настоящему облагораживает английский двор.

Находясь в стороне от этого разговора, Эдуард с трудом, но всё же слышал последнюю фразу. Ему не понравился намёк. От него также не ускользнул тот факт, что на этот раз Луллий не стал возражать против обращения «сеньор».

– Что ж, теперь у вас дела не с моим отцом, а с моим супругом, – продолжила Изабелла. – Я надеюсь, что встречи наши не будут такими же мимолётными, как в Париже.

– Я тоже хочу надеяться на это, мадам, – ответил алхимик, – по крайней мере, сегодня я к вашим услугам.

Придворные дамы замерли от восторга. Никто не ожидал от седого старика такой галантности! Многие, слышавшие о Луллии одни лишь легенды и домыслы, представляли его мрачным колдуном, могущественным, как Мерлин. И вот перед ними предстал сеньор, хоть и с седой бородой, но всё ещё хранивший манеры покорителя женских сердец.

– Сеньор Луллий, если вы сегодня в нашем распоряжении, позвольте нам сугубо женский вопрос, – обратилась к алхимику леди Джейн. – Мы знаем, что у вас на родине межрелигиозные браки – привычное дело. Испанские супруги ходят раздельно в разные храмы?

Учёный едва заметно улыбнулся.

– Эти браки – не такое привычное дело, как может показаться, сударыня, – ответил он. – Хотя, признаться, и сам я не был в Испании уже довольно давно.

– Почему вы так хотите завоевать мусульман? – неожиданно спросила одна из придворных дам.

– Я вовсе не горю желанием кого-то завоёвывать, мадам. Единственное, что движет мною, – это любовь. Любовь к Господу, любовь к знанию и любовь к своему ближнему, к какой бы вере он ни принадлежал. Ведь и арабы, и евреи – такие же творения Божьи, как и мы с вами.

– Так вы считаете крестовый поход проявлением любви? – удивилась дама.

– А как же иначе, сеньора? Ведь мы приходим на Святую землю не только освобождать Гроб Господень, но и, как завещали Христос и апостолы, распространять истинную веру. Обращение язычника может идти лишь от большой любви к нему, а вовсе не от ненависти.

– После расправы над тамплиерами крестовый поход – уже не такое популярное явление, как раньше, – заметила королева.

– Вы правы, но непопулярным он стал у тех, кто жаждал не столько Сионского храма и христианских святынь, сколько роскошных вещей, отнятых у мусульман. Тем же, кому действительно безразлична христианская вера и только она, мысли об освобождении Гроба Господня, да и о крещении язычников по-прежнему греют сердце. К тому же, помимо религиозного долга, христианские державы могут стяжать такие богатства, которые не идут ни в какое сравнение с золотом и серебром.

– Что же это за богатство? Расскажите нам, сеньор Луллий!

Учёный оглядел свою аудиторию, в которой заметно прибавилось любопытных ушей и глаз.

– Эти богатства – знания, – пояснил он, – ибо я смею утверждать, что этого добра у сарацин побольше, чем во Франции, Испании и Англии вместе взятых. Тем более что поделиться этими драгоценностями они могут без всякого ущерба для себя, ибо знание не убывает при передаче, а напротив, удваивается!

– А что известно сарацинам такого, что не известно нам?

– Очень многое, мадам, очень многое. Секрет дамасской стали – это лишь малая брошь из целого сундука драгоценностей, что хранится у арабских учёных и мастеров. Вот скажите мне, ваше величество: сколько книг хранится в королевской библиотеке?

Изабелла задумчиво опустила глаза:

– Лично моих – несколько десятков.

– Это очень немного по сравнению с тем, что имеет любой эмир. После смерти одного моего знакомого султана из его хранилища вынесли четырнадцать сундуков с книгами, причём сундуки эти были настолько большими, что четверо нубийских рабов едва поднимали их.

Тут Раймонд Луллий неожиданно для всех развернулся на каблуках и продолжил, глядя на короля:

– Эта записка, что держит в руках его величество, сделана из прекрасной бумаги.

Взгляды придворных невольно переместились в указанном направлении. Эдуард Второй сжимал в руке очередное любовное послание, только что полученное от Хьюго Диспенсера. Король намеревался убрать бумагу в тот самый момент, когда алхимик привлёк к ней всеобщее внимание. Теперь прятать записку не имело смысла; он просто смотрел по сторонам, чувствуя всю нелепость своего положения, в которое его неожиданно поставил учёный.

– Такая бумага не производится в Англии, – продолжал Луллий как ни в чём не бывало. – Возможно, её привезли из Франции, где есть пара мануфактур, способных добиться такого качества, но скорее всего, из Испании, где эту бумагу выпускают уже несколько лет. Что касается арабов, то секретом подобного продукта они владеют уже несколько веков. Благодаря арабам это изобретение попало к нам.

Короля бросило сначала в жар, затем в холод. Он быстро повернулся к коннетаблю с нарочито равнодушным видом, но все заметили, как сильно он сконфузился. И как сильно его это разозлило.

– В Европе такие листы – большая роскошь, непозволительная обычному человеку, – Луллий вновь повернулся на каблуках, уже в обратном направлении, – а в Дамаске я собственными глазами видел, как в подобную бумагу рыночные торговцы заворачивают свой товар!

Эта информация, в другой ситуации способная вызвать немалое удивление, была встречена холодно. Публика притихла, страшась королевского гнева. Кое-кто даже поспешил отойти. И лишь Изабелла с каждой минутой становилась всё более довольной. В обществе Луллия она почувствовала себя не только защищённой, но и отомщённой.

– Говорят, что вам, сеньор Луллий, известны рецепт философского камня и прочие алхимические секреты? – сказала леди Джейн, видимо, желая перевести разговор в более безопасное русло.

Учёный улыбнулся.

– Боюсь разочаровать вас, сударыня, но я не смогу достать этот камень из-за пазухи прямо сейчас, – ответил он уклончиво.

– Но вы можете создать золото в своих ретортах?

– Дело в том, что моя наука написана на языке символов, смысл которых зачастую толкуется либо неверно, либо ограниченно. Многие мудрейшие люди считали, что в этом мире не существует ничего отдельного. Как на земле, так и на небе – учит нас «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста. Не стоит отделять то, что происходит в этой комнате, от того, что творится на небесах, ибо всё – и то, что нас окружает, и то, что незримо, – всё творения Господни. Разве сам человек не создан по образу и подобию самого Бога, являя тем самым великую связь? Алхимики стараются не разделять, а объединять, искать сходства и проводить параллели. Всё, что происходит в нашем мире, взаимосвязано.

Раймонд Луллий пристально посмотрел на леди Джейн, будто оценивая, насколько серьёзен её интерес. Затем он обвёл взглядом присутствующих.

– Таким образом, процесс, который совершается в моей реторте, – всего лишь аналогия того, что происходит, во-первых, в космосе, во-вторых, в душе самого человека. То золото, о котором вы говорите, может представлять собой благородный металл, полученный из металлов неблагородных. Но это только земной, самый низший аспект трансмутации. Ведь также «золотом» алхимики называют совершенство человеческой души, которая, подобно содержанию пробирок, проходит через различные преобразования. Она уничтожает все неблагородные качества человека и приближает его к Богу.

– А как же эликсир бессмертия? Он вам известен?

– Посмотрите на меня, прекрасная дама! Если бы я владел таким эликсиром, разве была моя борода такой седой, а тело – дряхлым, словно затонувшее судно?

Леди Джейн улыбнулась, и эта улыбка быстро передалась всем остальным. Слушатели вновь расслабились, а инцидент с запиской Хьюго Диспенсера, казалось, был забыт.

– В каком-то смысле философский камень и эликсир бессмертия – одно и то же, – продолжал Луллий. – Он же является великим растворителем, способным придать чему-либо его первоначальный вид и вернуть в прежнее состояние, но уже без примесей и недостатков. Все алхимики описывают lapis philosophorum по-разному. Его считают и минералом, и растением, и даже животным. Кто-то говорит, что он способен не только растворять, но также раскалять и замораживать. А один учёный даже написал, что он влажный и способствует пищеварению. Но я бы хотел рассказать вам вот о чём: чтобы получить настоящий философский камень, в его высшем проявлении, необходимо два начала. И эти начала здесь, на земле, можно найти в мужчине и женщине, которым друг без друга трудно достичь совершенства. Я не имею в виду любовное соитие. Поистине, то, что не может быть единым на земле, должно стать единым

в духе. Мужчина может сделать божественной женщину, а она – божественным его. Выражаясь языком алхимии, он может стать её королем, а она – его королевой. И только вместе им свыше дана безграничная власть.

Произнося последнюю фразу, учёный вновь повернулся к Эдуарду. Зрелище, которое должно было проиллюстрировать союз мужчины и женщины, на самом деле показало совершенно противоположную картину. Королевы рядом с королём, конечно, не оказалось. Место супруги занимал Хьюго Диспенсер, причём Эдуард нежно возложил свою длань на плечо фаворита. Намёк на несовершенство монарха был настолько очевиден, что в зале воцарилась тишина.

Услышав паузу в научной беседе, король повернулся и всё понял. Он не расслышал слов алхимика, но, увидев взгляды придворных, осматривавших его фаворита, догадался, что разговор каким-то образом перешёл на их далеко не платонический союз. То, что многие поспешили отвести глаза в сторону, лишь подтвердило его выводы.

Эдуард резко поднялся с кресла. Не сказав никому ни слова, он твёрдым шагом пересёк помещение, стуча каблуками по каменным плиткам, и исчез в примыкающей комнате. В полной тишине лишь Хьюго Диспенсер осматривал присутствующих укоризненным взглядом, затем встал и не спеша последовал за королём.

По залу прошёл волнительный шёпот. Ещё никто не помнил такого дня, когда Эдуард Второй был дважды оскорблён, да ещё одним и тем же человеком! Зато все хорошо помнили, как жестоко капризный и злопамятный монарх расправлялся со своими обидчиками.

Лишь королева Изабелла сохраняла довольный вид.

– Если же вы владеете секретом философского камня, – обратилась она к алхимику в полнейшей тишине, – то и у вас должна быть та, которая подарит незаменимое женское начало.

– Вы правы, мадам, – ответил Луллий так тихо, словно его слова предназначались для одной лишь королевы, – и я надеюсь очень скоро вновь встретиться с ней.

«Острый язык может сразить не хуже отточенного меча», – так подумал Эдуард, оставшись один. За доказательствами не нужно было далеко ходить – только что алхимик продемонстрировал всю справедливость этого выражения. Король буквально почувствовал боль от брошенных в его сторону оскорблений. Да, ранение было не смертельным, но его усугубляла горечь поражения – она доставляла ещё больше мучений. Только что он бежал с поля боя, потерпев сокрушительное фиаско.

Разжигая в душе пламя ненависти, Эдуард стал вспоминать подробности прошлогоднего разгрома при Баннокберне – именно тогда он в последний раз ощутил подобное душевное смятение.

Поход на шотландцев монарх вынужден был совершить, исполняя волю почившего отца, которому клятвенно обещал не ночевать дважды под одной и той же крышей, пока не наведёт порядок на северных территориях. К тому же сам Эдуард Первый завещал не предавать своё брненное тело земле, пока зарвавшийся Роберт Брюс не будет поставлен на место. Таким образом, кости покойного короля, прозванного «шотланобойцем», постоянно таскались во все военные походы. Эти непогребённые останки должны были стать счастливым талисманом для английской армии, а для врагов – источником суеверного ужаса. Но даже они не помогли новому английскому монарху одержать победу.

Началась кампания вполне благополучно. Шотландская армия, привыкшая вести тактику «выжженной земли», на этот раз была-таки настигнута английскими войсками. Если раньше, по выражению Роберта Брюса, «шотландский вереск и пустоши вели сражение с неприятелем», то теперь независимость страны предстояло отстаивать в прямом бою. Воодушевлённый таким везением, Эдуард Второй направил солдат в атаку, даже не дав отдохнуть коням после долгого перехода. Однако уже в самом начале битвы удача неожиданно отвернулась от англичан.

Генри де Богун, скакавший с передовым отрядом, наткнулся на самого Роберта Брюса, который объезжал свои войска без доспехов, будучи вооружённым лишь церемониальным топориком. Выставив свое копье, Богун незамедлительно бросился на именитого противника. Лёгкая расправа обещала ему многое: воинскую славу, королевские почести, титулы и богатство. Однако предводитель шотландцев исхитрился увернуться от атаки и своим топориком разрубил голову рыцаря надвое, словно кочан капусты. Исход этого поединка не только стал для шотландцев сигналом к бою, но и вселил в них победоносный дух. Окрылённые столь славным началом, они ринулись в атаку и обратили английскую армию в бегство.

Для самого Эдуарда сражение закончилось не только позорным отступлением, но и неожиданным предательством со стороны своих подданных. Спасаясь от преследователей, он попытался укрыться в Стерлинге, однако коннетабль замка сэр Филипп Мубре отказался впустить своего сюзерена внутрь – и позорное бегство продолжилось. В тот миг Эдуард поклялся обезглавить вассала-подлеца, хотя и понимал: укройся он в замке – и скорейшего взятия не миновать.

Сейчас его обуревали подобные чувства, и хотя он не был королём воинствующим, но на расправу порой был жесток.

– Клянусь мечом моего предка Ричарда Первого! – вскричал он, когда Хьюго Диспенсер зашёл в комнату. – Я могу сделать так, что этот выскочка не доживёт до сегодняшнего обеда!

Неожиданно его гнев сменился полной растерянностью. Он схватил Диспенсера за руку и крепко прижал её к своей груди.

– Скажи мне, добрый Хьюго: как следует поступить? Этот Луллий говорит совершенно безобидные речи, но каким-то образом обращает их против меня!

К его удивлению, придворный заулыбался.

– Я действительно не слышал ничего оскорбительного в его словах, – попытался успокоить короля граф. – Хотя, признаться, старик довольно горяч на язык, как и многие каталонцы. Стоит ли обращать внимание на двусмысленные речи этого человека? Как и все алхимики, он говорит так запутанно и туманно, что не удивлюсь, если за его оскорблениями скрываются комплименты.

– Что ты говоришь, Хьюго! Ведь он болтал о нас с тобой!

– Мне нет никакого дела до того, что болтают о нас. Даже если сам папа выпишет буллу о запрете на наши отношения, это несколько не охладит мои чувства!

– Спасибо тебе, мой добрый Хьюго, но всё-таки я должен проучить этого мошенника.

– Не забывайте, государь, что этот мошенник нужен нам. Он сам выразил согласие помочь. Стоит ли пресекать его действия, прежде чем они успели начаться?

Эдуард отпустил руку фаворита и принялся гладить свою бороду.

– Пригласите коннетабля, – распорядился он.

Диспенсер поклонился и снова исчез за дверью, ведущей в большой зал. Спустя минуту он вернулся в компании Сигрейва.

– Какое из мест, предложенных вами для лаборатории, лучше охраняется? – поинтересовался король.

– Помещение в Фонарной башне, безусловно, удобней для присмотра, – ответил Сигрейв.

– В таком случае пусть наш гость располагается там. Выполняйте все его требования, что касаются производства золота. Свинец, ртуть, болотная жижа или дерьмо дракона – доставьте ему всё, что необходимо. После обеда я выпишу указ, который обеспечит вам поддержку и полностью покроет все расходы. Надеюсь, они будут невелики. Что касается содержания самого Луллия: я не хочу, чтобы этот человек покидал замок. Пусть остаётся в своей лаборатории при условии, что там будет всё необходимое для нормальной жизни. Думаю, он не слишком требователен. – Эдуард вопросительно взглянул на коннетабля. Тот утвердительно кивнул. – Кроме того, я желаю, чтобы вся переписка этого алхимика отсылалась лично мне. Я с совет-

никами решу, следует ли этим письмам отправляться дальше. Иными словами, сеньор Луллий остаётся в Тауэре на положении пленника, и вы несёте за него ответ.

Коннетабль поклонился вновь.

– Скажите мне вот что, – задумчиво продолжил король, – возможно ли сделать так, чтобы за покоями Фонарной башни можно было вести незаметное наблюдение?

– Да, ваше величество. Это можно сделать.

– А есть среди ваших солдат бесприкословно преданный и не болтающий лишнего? Мне нужен человек верный и исполнительный, на которого вы можете положиться.

Сигрейв посмотрел на короля, словно не понимая, что от него хотят, затем перевёл взгляд на Диспенсера.

– Безусловно, такой человек найдется, – проговорил он медленно. – Например Джон Кроулер – это мой лучший сержант.

– Отлично! Организуйте постоянное наблюдение за нашим дорогим гостем. Ступайте – на этом пока всё.

Коннетабль поклонился напоследок и вновь исчез за дверями.

– Что ты думаешь по этому поводу? – спросил король Диспенсера после нескольких минут молчания.

Придворный глубоко вздохнул.

– У нашего гостя имеются великие покровители. Я слышал, что кардинал Ксимен высоко ценит его знания, не говоря уже о самом папе!

Эдуард улыбнулся, сам довольный своей смелостью.

– А что, интересно, скажут кардиналы с папой, узнав про богохульные речи этого испанца? Клянусь святым распятием: этот алхимик – первый кандидат для сожжения на костре после Жака де Моле! То, что я слышал сегодня из его уст, немногим отличается от ереси тамплиеров. Зная его преклонение перед арабской мудростью, я не удивлюсь, когда увижу, что ночами он совершает те же мерзостные обряды, что свели с пути истинного целый рыцарский орден. Говорю тебе, Хьюго: если этот алхимик не сделает нам золото, он навсегда останется в Тауэре. Живым или мёртвым.

Когда король спустя некоторое время вернулся в залу, у него было прекрасное настроение, словно он и не был смертельно оскорблён полчаса назад. Эта написанная на лице безмятежность внушила окружающим ещё большие опасения, нежели гримаса обиды: из-за маски спокойствия явно проглядывала плохо скрытая радость от предстоящего реванша над своими обидчиками. А во время обеда король продемонстрировал такой аппетит, будто только что вернулся с охоты. С Раймондом Луллием он не обмолвился и словом.

4

С тех пор, как королевский двор покинул Тауэр, в Лондоне и на десятки миль вокруг продолжалась дождливая погода. Почти две недели обитатели замка не видели солнца. Каждый день приходилось либо прятаться от ливня, либо терпеть морось, а если солнце и выглядывало на какое-то время, то над землёй тут же поднимался непроглядный туман, к которому примешивался тошнотворный запах тины из крепостных рвов. Это было достойным продолжением летней катастрофы, когда от сырости в Англии погибла большая часть урожая. Пшеница подорожала в восемь раз, а овощи почти невозможно было купить на городских рынках, даже по завышенной цене. Голод второй волной прокатился по стране. Всё чаще и чаще вспыхивали народные волнения, поддерживаемые теми, кто был не в состоянии платить налоги и пошлины; всё больше людей уходило в леса, чтобы посвятить себя дорожным грабёжам. Королевские олени беспощадно уничтожались, несмотря на то, что лесничие ужесточали расправы над нарушителями. Бродячие монахи вместо обычных благословений направо и налево отпускали проклятия, наводя ужас страшными предсказаниями о грядущей каре за людские грехи. Кое-где ели лошадей, собак и, по слухам, даже детей.

Пустота в желудках постепенно распространялась и на головы, вытесняя из них всё, кроме апатии и пессимизма. Те лондонцы, что были наиболее склонны к жалобам, вопили о своём плачевном состоянии на всех углах, остальные же погрузились в вязкое безмолвие и сетовали на судьбу лишь своим удручённым видом.

Пессимизм, будто зараза, проник и за крепостные стены – люди ходили по замку с неизменно кислыми лицами, а заступающие на караул солдаты плелись так медленно и неохотно, словно отправлялись на эшафот. Лучники продолжали свои ежедневные тренировки и всё так же ловко попадали в цель, но делали это уже не с гордой улыбкой, а чуть ли не с отвращением. И даже сквайры, всегда с большой радостью бравшиеся за оружие, на этот раз совершали свои упражнения вяло. Джон Кроулер смотрел на лица вооружённых мальчишек и не мог поверить, что это те самые ребята, которые ещё месяц назад принимали все его уроки с несказанным восторгом.

Он поделил сквайров на две группы по четыре человека. Одни получили в руки короткие мечи, другим достались боевые топоры.

– Я знаю, что благородный меч по душе многим из вас, – сказал Кроулер, проходя между ними, – но вы должны одинаково владеть всеми видами оружия. Если в бою вы потеряете свой меч, то вам придётся воспользоваться тем, что окажется в руках. Даже если это будет отрубленная нога вашего товарища, возьмите её и разите врага! У любого оружия есть свои преимущества, но вы оцените их только тогда, когда подержите в руках. Эй, Уолт!

Он повернулся к огромному солдату, стоявшему неподалёку. Тело Уолта было настолько большим, будто свою кольчугу он натянул поверх кованых доспехов. Его длинная рыжая борода веслом ниспадала на грудь – такую широкую, что для её защиты не хватало обычного щита.

– Расскажи им, Уолт, как ты в битве с французами орудовал своим топором.

Гигант приблизился к сквайрам и оглядел их полным бравады взглядом.

– Да, десяток лет назад при Монс-ан-Певель мне довелось биться таким вот топориком против трёх французских рыцарей, вооружённых подобными мечами, ну разве что более длинными и увесистыми чем у вас, ребята. В тот день все узнали, чего стоит хорошо натренированная и толково управляемая пехота! – Он водрузил свою тяжёлую ладонь на плечо одного из сквайров. – Мы укрепили нашу оборону заслоном из повозок, чтобы французские всадники не могли обойти нас с флангов, а выдвигаясь вперёд, строились в «корону» и держали круговую оборону. Этим оружием, не менее благородным, чем рыцарский меч, я прикончил пятерых

противников, а одного рыцаря сумел взять в плен, вышибив из седла. Правда, этот шевалье оказался таким бедным, что в качестве выкупа я получил лишь его доспехи, коня и десять ливров в придачу. Подумать только: подвиг, достойный сэра Ланселота, – и такое нищенское вознаграждение!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.